

13 ИЮН 1985

ПРЕСТИЖ
в Москве

1985 года

3

КНИГИ:
НОВИНКА НЕДЕЛИСЧАСТЛИВЫЙ
ДЕНЬ

«ВРЕМЯ было трудное. Мне с трудом удалось попасть в коридор вагона 2-го класса, где на своем чемоданчике я и провел ночь.

Утром отворилась дверь купе напротив, и симпатичная пожилая дама очень ласково спросила меня: «Молодой человек, не хотите ли попробовать мои пирожки?»

Так начинается глава о Марии Павловне Чеховой из книги Дмитрия Николаевича Журавлева «Жизнь. Искусство. Встречи», изданной Всероссийским театральным обществом. Привыкнув к отточенной дикции автора, одного из самых известных наших чтецов, умеющего «подать» каждый нюанс исполняемого произведения, временами невольно улыбаешься, видя, как он на этот раз «захлебывается» словами, еле переводит дух, называя замечательных и дорогих ему людей, с какими сводила его жизнь.

Мы справедливо недолюбливаем бесконечные перечни имен, фигурирующие подчас в статьях — в частности, и об искусстве. Но, видно, все же и перечень перечню — рознь! Один из любимейших писателей Журавлева — Чехов говорил, что любит видеть успех других. «Он радовался успеху любого из нас», — говорит автор книги и о своем коллеге Антоне Шварце. Сам он также щедро одарен этим драгоценным свойством.

Оно присуще ему вовсе не потому, что он безмерно снисходителен. Напротив, Журавлев огорчается тем, что «мы теперь то и дело слышим: «Да! Безусловно, это гениальный артист», или «Вы вчера гениально пели», или «Он — гений!» и т. д., а ведь гениальность — явление величайшее, и редкие дарования могут серьезно отождествляться с этим понятием!»

Смешной эпизод произошел во время съемок фильма «Путешествие в Арзрум», где Журавлев играл Пушкина и должен был ездить верхом: «...Привезли тихую, подслеповатую лошадку. Взгромоздясь на нее, я довольно скоро освоился... Но в другом эпизоде... Пушкин должен нестись вскачь на горячий, красивый лошади. Достали и такую. Со страхом взобравшись на седло и желая задобрить лошадь, я, низко склонившись, стал ла-

сковое поглаживать ее по шее. Моя красавица тряхнула головой — и у меня на лбу вскочила огромная шишка».

Так и в искусстве: одно — иметь дело с «тихой лошадкой» ремесленной подделки и совсем другое — «объезжать» настоящего Пегаса!

В Журавлеве живет тот непосредственный восторг от этого «другого», зародившийся еще у мальчика, которого вывели с галерки харьковского театра, поскольку он, «едва страсти стали накаляться... громко, в голос, зарыдал», и, к счастью, не остывший и в многоопытном «профессионале», «распухшем от слез» после остужевского Отелло. «Я боготворил ее», — пишет он о Неждановой, перед которой, как и перед Улановой, буквально — и так прекрасно — «старомодно!» — вставал на колени при встречах.

Эту же «коленопреклоненность» перед высокой подлинностью в искусстве Журавлев-мемуарист запечатлел во многих своих друзьях и знакомых. Характерна реакция Пастернака и знаменитой актрисы Малого театра Массалитиновой на исполнение программы «Петя Ростов»: «...я ушел за кулисы, и вслед за мной буквально ворвались — Варвара Осиповна и Борис Леонидович — оба в слезах. Они бросились друг к другу. «Вот это настоящее, вот так, так надо писать, правда, да?» — всхлипывал Борис Леонидович. «Да, да, ты прав, ты прав!» — отвечала Массалитинова. Они обнялись, расцеловались и исчезли...»

Это прекрасно — не к самому Журавлеву кинулись, не его обливали «дежурным» поздравительным поцелуем — друг друга счастливые от новой встречи с великой толстовской книгой, от бодрящего творческого «заряда» («так надо писать...»).

Сквозь «радугу» подобных благодарных слез возникают в книге и портреты О. Л. Книппер-Чеховой, Зои Лодий, Святослава Рихтера и многих менее известных деятелей искусства, например, режиссера Елизаветы Яковлевны Эфрон и первой «партнерши» Журавлева на сцене Татьяны Смирновой.

Поэт и переводчик М. Л. Лозинский сказал как-то Журавлеву: «Поздравляю вас. У вас сегодня счастливый день: вы с Анной Ахматовой шли по улицам ее любимого города».

«Счастливый день» переживаешь также, читая страницы книги, посвященные Москве, — от 20-х годов до наших дней. О ее улицах, театрах, ее людях, которых тоже хочется бесконечно называть — ну хотя бы Ольгу Николаевну Андровскую, трогательно взволнованную присланными Рихтером незадолго до ее кончины розами («Боже мой! Я этого не заслужила...»), или Остужева, изнемогающего за кулисами от сердечного спазма и сердито отмахивающегося от упреков («нельзя себя так тратить»): «Полуфабрикатами не торгую!».

Говоря об одном из своих «персонажей», Д. Н. Журавлев упоминает о «сердце, готовом принять в себя чужие радости и горести, мечты, фантазии, увлеченности...» Не такое ли же сердце бьется в его собственной груди?!

А. ТУРКОВ.